Архивист №1

Category: Kitapcy,Söhbetdeşlik
написано kitapcy | 24 января, 2025
Архивист №1 АРХИВИСТ №1

Алексей Владимирович Головкин один из старейших архивистов не только нашей республики, но и страны. Он долгие годы руководил Главным архивным управлением при Совете Министров ТССР. Под его редакцией вышло не мало сборников архивных документов. В течении ряда лет он занимался педагогической деятельностью в Туркменском госуниверситете. А.В.Головкин кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры, почетный гражданин г. Ашхабада, персональный пенсионер республиканского значения. С ним беседует писатель Аллаяр Чуриев.

А.Чуриев: – Алексей Владимирович, расскажите, пожалуйста, о себе, наиболее памятных событиях вашей жизни?

А.Головкин: – Да, я сейчас пользуясь случаем, что я немного приболел, дома и занимаюсь сбором материалов и собираюсь писать воспоминания – записки активиста. Всё – таки я сорок шесть лет работаю в архивной системе. Начиная с марта 1944 г. и по нынешний день считаю себя активным архивистом. В 1988 году, когда мне исполнилось 70 лет, я ушёл на заслуженный отдых. Но продолжаю свои связи с архивом, работаю не как руководитель, а как редактор сборников документов. Консультирую студентов, аспирантов и всех тех, кто ко мне обращается из исследователей по поводу архивных документов. Всем я оказываю помощь, рассказываю об архивных материалах. Тем более, что московские архивы и наши туркменские архивы я хорошо знаю. Так что почти по любому вопросу я могу рассказать, что у нас есть.
Оказывается, у меня как у аккуратного архивиста оказалась масса материалов, записных книжек, всяких блокнотов, в которых отражена вся моя трудовая деятельность. Я участвовал на многих совещаниях историков, архивистов Всесоюзных Международных.

Побывал заграницей в Польше, Румынии – по нашим архивным делам.
Я вспоминаю первые дни своей работы в архивах. Я учился в то время в аспирантуре. Это было в 1944 году, меня пригласили «в то время в … архивная система входила в состав Министерства внутренних дел … работать в этой системе – как специалиста, историка, аспиранта. Принял меня большой генерал Никитинский. Попросил работать в военно-историческом архиве. Военно – исторический архив, где я работал с марта 1944 г. по апрель 1947 г. научным сотрудником, он помещается на Бауманской улице в бывшем Лефортовском дворце Петровского времени. Колоссальное здание! Там больше семи миллионов архивных дел. К счастью, я нашёл блокнот, где я все записи, начинал свою трудовую деятельность. Работали, мы тогда над подготовкой материалов… вторая мировая война ещё шла… «О русских полководцах и флотоводцах» и т. д. Все эти материалы мы тогда активно поднимали. И все эти записи у меня есть. Сохранились, я недавно их просматривал. Конечно, была очень интересная работа, работу я начал в публикаторском отделе. Потом я с мая 1945 года одновременно поступил в аспирантуру историко – архивного института. Как аспирант, тогда был такой порядок, начал и преподавать. И в течение 1945-48 годов я преподавал археографию и публикаторское дело студентам Московского историко – архивного института. Многие мои бывшие студенты стали сейчас видными архивистами. Они меня сейчас вспоминают.
В апреле 1947 года меня перевели старшим научным сотрудником с повышением в Центральный государственный исторический архив МВД ССР. Там мы работали над большой серией о декабристах. Многотомная серия. И историей революционного и рабочего движения в России.
В декабре 1948 г. генерал наш вызвал меня, и говорит: «Товарищ Головкин, мы хотим Вас отправить на курорт, на юг». Я спрашиваю: «Куда товарищ генерал?» А он говорит: «А вот есть такой город Ашхабад на юге». Я говорю: «Товарищ генерал, там же произошло землетрясение. В Москве слух прошёл, что Ашхабад весь затонул «озеро оборвалось» Он тогда говорит: «Вот так будешь на берегу озера…» (смеётся)

Когда генерал говорит… тут я был военный: «Есть, товарищ генерал. Когда надо ехать, пожалуйста!».
Я поехал в Ашхабад. В Среднюю Азию я приехал не впервые. В 1941 году, после окончания Московского института истории, литературы и философии им. Чернышевского. Я по распределению был направлен на преподавательскую работу в город, который тогда назывался Сталинабад, ныне Душанбе.
Я, конечно, подавал заявление об отправке добровольцем на фронт, в армию. Но мне сказали в военкомате: «Пока что войск у нас много. А вы окончили такой институт! Преподавателей сейчас не хватает, будьте добры по распределению ехать, в Среднюю Азию, в Сталинабадский педагогический институт». И там я работал .
В декабре 1948 года уже вторично я приехал в Среднюю Азию, в Ашхабад. Ашхабад, конечно, был весь разрушен. Архивно пришлось включится сразу же в работу по восстановлению города так, что видимо, Ашхабадский горисполком учёл это обстоятельство, присвоив мне звание почётного гражданина города Ашхабада. С момента приезда я занимался не только архивной работой, но и вообще в целом поскольку мы были МВД – шниками то, участвовали в разборе завалов.
В Ашхабад я попал сначала как военный, работал заместителем начальника Центрального госархива МВД ТССР.

А.Чуриев: Кстати, я слышал, что Ваш двоюродный брат (к сожалению, ныне покойный) – известный художник – график Андрей Дмитриевич Гончаров. Несколько лет назад я читал в «Вечернем Ашхабаде» о том, что Вы передали несколько гравюр, которые он подарил Вам, Государственному музею изобразительных искусств ТССР. Именно в доме его матери на старинной московской улице Мясницкой Вы встречали в детстве известного писателя Илью Эренбурга и тогда еще молодого человека – будущего создателя Центрального театра кукол Сергея Оброзцова, для которого его друг Андрей Гончаров создал знаменитую сегодня на весь мир эмблему его театра – пять растопыренных пальцев и на одном из них шарик – головка куклы.

А.Головкин: – Можно сказать, что я представитель старой московской интеллигенции. Среди этой интеллигенции много было писателей, художников и артистов. Поэтому, в семье воспитывался, у меня очень рано зародился интерес к истории, литературе. Отец мой был очень начитанным человеком. Дома у нас была богатейшая библиотека. Я научился читать с четырёх лет. Наша родня – семья Карамурза, жили на Мясницкой старой московской улице. Мария Алексеевны это была сестра моего отца, моя тётка. Она также была крёстная мать моя. Она меня очень любила. Я у неё часто гостил. Она занималась со мной французским языком. Я будучи у неё на квартире сумел почти полностью прочитать неизданные в Советском Союзе до сих пор воспоминания известного французского авантюриста Казановы. Парижское издание, в то время было модно у московской интеллигенции… по четвергам в её скромной комнатке на таком скромном диванчике, за обыкновенными чашками чая с кусочками сахара, без всяких излишеств собиралась тогдашняя московская интеллигенция. Из другой комнаты меня, тогда мальчишку вводили и представляли гостям, на одном диванчике я сидел с Сергеем Образцовым, с писателем Ильей Эренбургем. Они со мной беседовали, я отвечал на их вопросы. Они иногда посмеивались: Я не то говорил. Они проявляли ко мне известный интерес. Многие другие выдающиеся деятели приходили.

Тем более в то время мой двоюродный брат Андрей Дмитриевич Гончаров жил тоже в этой квартире. Я вспоминаю, приходил к нему художник, большой его друг Мартирос Сарьян. Я в то время его видел. Они часто обменивались своими работами, обсуждали разные вопросы. Я наблюдал, как мой двоюродный брат Андрей Дмитриевич… вот все его впоследствии известные гравюры, книжные иллюстрации оформление русских и западных классиков – всё это я видел, как он над этим работал. Он был очень трудолюбивый человек. Очень любил искусство. Об искусстве много интересного рассказывал. Поэтому я тоже, слушая его рассказы, конечно, приобщался к искусству.

Я бывал на разных выставках. Вот одна из первых выставок, на которой я был, была так называемая «Ост» выставка. Ну, этих художников тогда ругали. Это то, что сейчас называется

авангардизмом. Сейчас их более или менее стали признавать. Тогда, в то время, их поругивали.
Моя крёстная-тётка, когда я у неё жил, она второй раз замужем была за известным адвокатом, он назывался присяжный поверенный адвокат – Сергей Георгиевич Карамурза. Первым мужем был Дмитрий Гончаров. Первый сын Андрей Дмитриевич был от первого мужа, от Гончарова. А от второго мужа был у неё сын Алексей, мой двоюродный брат. Он был активным участником Великой Отечественной войны, до самой смерти был главным редактором журнала «Преподавании истории в школе». С Алексеем мы были очень дружны. Он мне давал книги часто читать. Вопросы истории я через своего двоюродного брата тоже познавал.
Второй брат Карамурза был Георгий Сергеевич. Мы его называли Жорчиком. Он с юных пор заинтересовался Востоком, Китаем. И в последствии стал выдающимся ученым – китаеведом. Преподавателем университета, в Академии Наук он тоже был. Его известная работа о восстании тайпиков. Он впоследствии погиб во время войны. Отправили его, когда мы воевали с Японией. Он в каком-то городе над Китаем «самолет их был подбит». Я, случайно читая одну статью, увидел снимок памятника. Братская могила, в которой был похоронен Георгий Карамурза. О нём мы некоторое время ничего не знали, где он погиб.

А.Чуриев: – Итак, историей, литературой Вы увлекались еще в детстве, может быть посещали какие-то кружки, наверное, и у Вас были какие-то пробы пера. И еще, я слышал, что Вы присутствовали на I съезде Советских писателей. Расскажите, кого из известных писателей Вы видели на съезде?

А.Головкин: – В тридцать четвертом году я принимал активное участие в работе литературного кружка «Вольцовка». Мы жили по соседству, рядом с металлургическим заводом «Серп и молот». На заводе был такой литературный кружок. Я ходил в этот кружок. Выступал с первыми стихами, первыми рассказами, конечно, ещё слабыми и наивными. Их воспринимали с критикой, конечно. У нас был там мастер вольцовочного цеха, который возглавлял этот кружок. Он на этом съезде выступал от имени кружка. Мы наш

кружок, билет на съезде по гостевому билету в составе человек примерно пятнадцать, были Колонном зале Дома Союзов. Конечно, он тогда был старенький, не ремонтированный, как мы сейчас видим, Колонный зал блестящий. Мы слушали выступления Максима Горького. Большая была речь. Причем он извинился перед нами: «Мне, – говорит, – дорогие товарищи легче написать, чем говорить». Однако речь его была хоть и длинная, но очень интересная – глубокий обзор русской и мировой литературы. Слушали мы Карла Радека, о журналистике, о советской журналистике. Тоже блестящий доклад. Ну, и мы с большим интересом слушали выступление Николая Ивановиче Бухарине. Он был редактором газеты «Известия». Блестящая речь о развитии советской поэзии. Такой блестящей речи о советской поэзии, я после нигде не слыхал. Причём он довольно критически отнёсся к молодым советским поэтам. И сказал: «Вам не надо зазнаваться, а надо брать пример с корифеев с русской литературы – Блока, Борисова, Бальманта, Пастернака и других».
Горький предоставил очень скромную, маленькую, тихую женщину, которая впоследствии известна стала своим романом. Такая тихая женщина, очень симпатичная, стесняющаяся – Лидию Сейфуллину. Горький ввёл ее на трибуну. Она рассказывала о том, как написала свой роман «Виринея». Мы до этого роман не прочитали. Потом, после съезда, мы уже его читали с большим интересом. Конечно, героический роман. Этот съезд оставил в памяти, в моей памяти, неизгладимые впечатления.
Тогда мы были молодыми, о Средней Азии мало знали, понаслышке, мне помнится только Рухи Алиев. Объявили: Рухи Алиев, я запомнил. Остальные называли фамилии, мы так-то слушали, конечно. Но Рухи Алиев выступил, руки поднял, читал свои стихи, поэтому он запомнился.

А.Чуриев: – Вы учились в Московском институтефилософии, литературы и истории (МИФЛИ). Что интересного Вы могли бы рассказать об этом периоде своей жизни? Учился ли в те годы в институте кто-нибудь из нашей республике?

А.Головкин: – После этого съезда я заканчивал школу. В то

время можно было, не закончив десятилетку, поступать вуз после 9-го класса. Ну, поскольку у меня была склонность к литературе, истории, тётушка рекомендовала самый лучший вуз в то время, привилегированный – МИФЛИ. Но конкурс туда был, конечно, большой. Человек десять на одно место. Меня, правда, выручило что? Там крупные учёные проводили с претендующими быть студентами собеседования. Собеседования профессоров и историков со мной, видимо, понравились. Они увидели, что я всё-таки в такой семье рос большой интерес у меня к истории, к литературе. Рассказывал я им о своём впечатлении о первом съезде писателей. Это на них производило впечатление. Конечно, в таких комиссиях были представители ЦК ВКП(б). я обратил внимание, что один такой товарищ, очень важный, сказал: «Это нам подойдёт». Потом они интересовались… многие представители московской интеллигенции боялись поступления своих детей в комсомол, а я в школе был комсоргом, активистом. Школа дала мне хорошую характеристику. И вот этот товарищ из ЦК ВКП(б) посмотрел и сказал: «Да, такие товарищи нам нужны». Весь период обучения в МИФЛИ я вспоминаю, действительно замечательный период, который мне в жизни столько дал! Поскольку институт был привилегированный, он существовал до создании академии общественных наук и до ВПШ. Преподавали там видные преподаватели – авторы всех известных учебников, видные историки. С нами учились, правда, старше нас были – Твардовский, Павел Коган, Семен Гудзенко, Симонов…

Учились дети видных, товарищей – такие, как дочка Генерального прокурора Марина Крыленко, ужасно хулиганствующая девица Татьяна Литвинова. Максим Максимович каждый день за ней приезжал. А мы скромно наблюдали, как они проходили мимо нас.

Надежда Константиновна тоже любила приезжать к нам и выступала. Кроме неё тоже выступали различные руководящие товарищи того времени. Так что нас неустанно воспитывали. Во всех отношениях. Издавалась у нас стеная газета «Комсомолия». Когда Симонов написал свою первую поэму о Суворове, эта газета заняла чуть ли не пол коридора. И вся литературная Москва приезжала эту стенную газету «Комсомолия» читать.

Несмотря на большой конкурс, учились представители различных

национальностей. Я очень хорошо вспоминаю: с нами вместе учился Аманмурад Артыков. Мы его звали Аманчик. Особенно девушки звали его Аманчик. Мы тоже его Аманчикзвали. Он, проучившись с нами до четвертого курса, потом куда-то исчез. Доканчивал уже где-то или у себя на родине, или в Баку, как говорил он потом. Мы с ним встретились потом где-то в сорок девятом году. Я стал преподавать в Ашхабадском пединституте. Он, преподаватель пединститута, зашёл к нам, в архивный отдел. В кабинете тогдашнего начальника архивного отдела Музыкантовой и мы с ним встретились. Друг на друга посмотрели. Он толкнул меня в плечо «Ты что?» – говорит. Я ему в ответ: «Ты что? Какого чёрта ты здесь делаешь?» С тех пор опять наши пути сошлись. С ним работали на кафедре истории СССР сначала в пединституте, потом в университете. Конечно, он часто приходил к нам в архив. Мы ему помогали всячески писать его работы. Через много лет дружба опять возобновилась. Мы с ним вместе работали.

МИФЛИ оставил очень большой след в моей жизни и до сегодняшнего дня. Время от времени я вспоминаю, как мы учились, какие были преподаватели, какие люди. Многие мои однокашники – студенты стали большими учёными, профессорами. Сейчас я, когда приезжаю в Москву, шутя называю наши Мифлийские девочки. Мы встречаемся у кого-нибудь на квартире, вспоминаем, наши годы учёбы.

Сейчас, я преподаю в Туркменском госуниверситете, я стараюсь всё то, что получили в Мифли, тоже передавать студентам. Учить их осваивать историю. Ну, кроме этого как архивист я студентам говорю: «Кем бы вы не были – учителями, преподавателями, чиновниками – важно уметь правильно оценивать любой документ. Это вам будет необходимо на всю жизнь». Я стараюсь это делать во время лекций, бесед со студентами и аспирантами, с дипломниками. Стараюсь их этому учить. «На моей совести» больше пятнадцати кандидатов наук, три доктора наук, поэтому кое-чему я своих студентов всё-таки научил.

А.Чуриев: – Мы благодарны архивистам, что ни один документ не был потерян во время землетрясения и сегодня они помогают нам,

ученым, журналистам, писателям, в пропаганде нашего исторического прошлого. Назовите, пожалуйста, имена архивистов, с кем Вы начали тогда работать, кому мы благодарны за этот самый настоящий подвиг для туркменского народа, всего населения республики.

А.Головкин: – Когда я приехал в разрушенный полностью землетрясением Ашхабад, я понял тут всю тяжесть трагедии, которую пережило население города. И потом много лет спустя, мы по документам старались учёным и прессе показать, какой ущерб был нанесен населению. Но, когда я прибыл, заниматься ущербом некогда было, надо было участвовать в восстановлении города Ашхабада и спасение документов. Надо сказать, наше архивное здание, здание бывшего военкомата по улице Фрунзе, 12, оно, правда, при землетрясении его стены рассыпались. Но ни один документ у нас не пропал. Потому что документы лежали на деревянных стеллажах, они стояли, устойчиво засыпаны, были только архивные дела пылью. Мы архивные дела в месте с пограничниками, поскольку основной состав был женский, перевозили вподвал на улице Лабинской. Сейчас на этом месте находится театр оперы и балета. Подвал там до сих пор существует. Мы туда архивные дела свозили. И пограничники там выставили охрану круглосуточную Поэтому ни один документ не пропал. Мы документы привозили в подвал, даже, умудрялись там наводить справки для трудящихся. Потому, что трудящиеся продолжали обращаться к нам. В то время начальником архива являлась М. И. Музыкантова, ее заместителем был Соколовский.
Видную роль играл у нас… в то время была знаменитая фронтовая машина «Газ – АА» – полуторка… Шофёр Саша Чорлиев с нами – архивистами спасал документы.
Потом тоже с помощью пограничников на месте разрушенного здания по улице Фрунзе, 12, было построены два барака. Большие одна времянка как архивное хранилище, другая была как административный корпус.
Из подвала мы перевозили все документы вот в эти времянки. Размещали их. Как только разместили их, так сейчас же туркменские ученые к нам очень любили приходить. Писали свои

диссертации. Одним из первых наших друзей, был знаменитый историк Овлия Кулиев, Директор института истории. Мы оказали ему активную помощь в написании кандидатской, затем докторской диссертации. Когда отдельные лиходеи в ЦК против него выступали, меня спрашивали: «Как Овлия Кулыев писал свои диссертации. За деньги или еще что-нибудь?» Я говорю: «Если бы все туркменские ученые так писали свои работы по истории, как писал Овлия Кулиев, мы бы всем памятник поставили, всем выдали медали!»

Потом халтурщикам, которые появились уже позже, конечно, надо было брать у него пример. Мы с большим восхищением к нему относились. Он действительно трудолюбивый историк. Настоящий историк. Потом отдельные недруги его сожрали, из института выжили.

Но вся его научная карьера проходила на наших глазах. До сих пор у нас документальные подтверждения есть – наблюдательные дела Овлия Кулиева, видно, что он сам работал со всеми документами. Первые экземпляры своих работ он нам дарил.

У нас Маягозель Языкова писала свою кандидатскую диссертацию, Мощев Мухаммет, Баймухаммет Каррыев писали у нас свои работы. Несмотря на то, что мы находились во времянках, Ашхабад был еще разрушен но поскольку документы наши были целы, мы помогали развитию Советской исторической науки.

Вместе с историками я сам принимал активное участие в создании двух томной «Истории Туркменской ССР».

В пятидесятые годы начали работать над этим двух томником. Я там одну из глав писал. Затем под моей редакцией вышел для историков очень полезный первый сборник архивных документов – «Подготовка и проведения Великой Октябрьской Социалистической революции в Туркменистане». Когда еще был культ личности, еще ко многим документам относились подозрительно, поэтому это был небольшой сборник. Но это был первый в Туркмении сборник о победе революции в нашей республике. Так мы ответили буржуазии и фальсификаторам истории, что революция в Туркмению пришла не на штыках русских солдат и рабочих, а сами туркменские дайхане, рабочие с оружием в руках организовали Советскую власть. И сейчас, сегодня, я хоть и болен, но с большим

удовольствием как редактор готовлю большую по нашим фондам публикацию о Первом туркменском национальном органе Советской – Совнаркоме Закаспийской области, который существовал с ноября 1917 г. до июля 1918 года, когда Контрреволюционный мятеж счёл временно Советскую власть. Правые эсеры, белогвардейцы победили в Асхабаде… Первому Туркменскому органу Советской власти историки, правоведы почему-то не придают должного значения. Мы сейчас поэтому и делаем большую по нашим фондам публикацию. Я вот редактирую эти публикации, и издадим целиком этот фонд – «Совнарком Закаспийской области».

Сейчас мы продолжаем помогать в создании теперь уже многотомной истории Туркмении. Помогаем, чтобы она была более полной все ошибки, которые раньше были допущены, чтобы исправить. Но тогда, после землетрясения заложен, как говорится, первый камень в это дело.

В 1963 году историки Средней Азии и Казахстана, выпустили большой двухтомный сборник, документов «Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане». В этом сборнике документов впервые опубликовали вражеские документы, – самых белогвардейцы и интервентов. Наша печать еще не успела дать оценку этому сборнику, иностранная пресса в частности, рецензенты из Английского Среднеазиатского обозрения «Интернейшен Ревю» – нас уже обругали. Назвали нас «Красными пропагандистами». Больше всего их задело то, что мы такого «благородного», по их мнению деятеля, как Маллесон назвали матерым шпионом, разведчиком, организатором интервенции против Туркмении. Кем он в самом деле и был, потому, что мы привели подлинные документы. Англичане настолько были наглы, что в те годы 1918-19 – й, они считали, что Советская власть долго не выдержит провалится. Поэтому они писали всё очень откровенно. Когда мы привели высказывания сэра Маллесона в этом сборнике современные рецензенты страшно обиделись. А мы привели даже такой эпизод, о том, что он был одним из организаторов расстрела 26-ти бакинских комиссаров. Когда уполномоченный Маллесона капитан Тиг Джонс пришёл и доложил ему о том, что в наши руки попали бакинские комиссары, которых мы привезли в Туркмению, а Маллесон в то время

находился в Асхабаде в английской миссии потом в этом здании был банк, ему доложили, что Тиг Джонс спрашивает: что делать с «комиссарами» Маллесон бросил в ответ только одну фразу: «Большевики безопасны только мертвые». После этого капитан Тиг Джонс организовал перевозку из Красноводской тюрьмы 26 бакинских комиссаров. Вывезли их на переезд Акджагуйма, там организовали злодейский расстрел, убийство.

Земля Туркмении, к большому сожалению, окропилась кровью этих комиссаров.

Впервые подготовили в 1957 году сборник «Туркменистан в период иностранной интервенции и гражданской войны» мы там дали публикации о зверской расправе над ашхабадскими комиссарами. Заклеймили позором белогвардейцев и интервентов, которые организовали расстрел этих 9 ашхабадских комиссаров.

Я лично руководил постройкой семиэтажного здания архива на проспекте Махтумкули. Пока строили это здание изучил строительные дела, могу даже быть прорабом (смеётся). Поскольку здание строилось довольно долго. Но строилось капитально с расчётом 9 баллов, так что прочность его большая.

Известный режиссер Роман Кармен как раз прибыл в Туркмению по указанию правительства. Сталин его направил. Он прибыл на другой день землетрясения. 7-го или 8-го октября он прибыл в Ашхабад. И всё снимал: и в Ашхабаде, и под Ашхабадом, и в эпицентре землетрясения, на это место я тоже ездил. Этот фильм долгое время по указанию КГБ был закрытым, мы его не показывали только в ЦК, в Совете Министров, отдельным знатным гостям, кому нам разрешали его показывать. Прошли эти годы. ЦК И Совмин нам сказали, что фильм открытый, наоборот, теперь надо, чтобы народ видел, что было. Фильм действительно страшный. Но тех, кто не видел что такое землетрясение, какой ужас был, фильм, конечно, производит колоссальное впечатление.

Ну, и мы, как очевидцы, сами подтверждаем: «Да фильм снят очень правдиво. Отражает всё, что было тогда».

Когда был юбилей Ашхабадского землетрясения, ЦК и Совмин попросили меня с товарищами по документам установить цифры потери. Потому что цифру давали разную; приуменьшенную давали цифру. Мы подняли многие материалы, в частности, и материалы

статистические, разные. «В общем, поскольку, много противоречивых данных, мы все эти материалы суммировали, и создали весьма, подлинную цифру более: 110 тысяч человек погибли в землетрясении…»
Когда мы сравниваем с другими землетрясениями, конечно, нас удивляло то, что мы почему-то не придавали большого значения той трагедии, которая была у нас в Ашхабаде, тем размерам убытков и разрушений, которые были у нас. А мы всё это видели своими глазами, а потом подтвердили и по документам.

А. Чуриев: – Вам за 70 лет. Больше половины жизни Вы прожили в нашей ставшей для Вас родной республике. Сейчас Вы на заслуженном отдыхе. Если бы сели писать воспоминания, какие интересные страницы истории нашей республики отразили бы в них?

А. Головкин: – Я человек любознательный. Как руководитель архивного дела, я не сидел только в кабинете. Я объездил всю республику. Где только я не был?!
Я ездил с целью налаживать архивное дело не только в Ашхабаде, но по всей республике.
Ну и должен сказать, что мне очень приятно было прочитать в нашем всесоюзном журнале прочитать «Советские архивы» дважды после больших проверокнас похвалили, что архивное дело в Туркмении стоит не на последнем месте.
Как нам удалось добиться, чтобы наши архивы не только в Ашхабаде но и на местах во всех наших областных городах, а до этого у нас были и районные архивы, которые мы потом правда, – хорошо работали?! Ликвидировали, районные архивы наши помещались в очень плохих помещениях, кадрам было плохо. Мы укрепили нашу архивную систему. И только оставили областные архивы, в которых сосредоточены материалы по всем нашим областям. Мы сумели их работу хорошо наладить. Главное архивное управление СССР нас хвалит за то, что наша архивная работа поставлена не плохо. Я имею хорошее представление о всей республике, которая для меня стала второй родиной.

А. Чуриев: – Алексей Владимирович расскажите, пожалуйста, о

своей семье.

А. Головкин: – Работая в Ашхабадском пединституте, я познакомился с преподавателем, она и сейчас преподают в университете – Ершовой Евгенией Николаевной. Мы с ней и соединили судьбы. Я смеюсь, что в то время был молодой преподаватель пединститута, и она уже была деканом факультета, я перед ней отчитывался. Писал ей отчёт о своей преподавательской деятельности. Получал отдельные замечания. Работали, преподавали, занимались научно – исследовательской работой. Писали книги. Но не забывали об основной жизненной функции семьи, создали хорошую семью. Вырастили троих сыновей. В этом отношении наши жизни полноценны.
Подводя итоги своей деятельности, мне уже 73 года, я вполне доволен своей жизнью. Люди говорят: Человек сам должен себе создавать хорошую, нормальную жизнь. Если человек относится к жизни добросовестно, делает то, что нужно озабочен хорошим выполнением своей работы. А я всю жизнь старался свою работу делать добросовестно. Поэтому сейчас уже на старости лет, у меня большое чувство удовлетворения, всё, к чему я прикасался, я старался делать как можно лучше. Поэтому результаты сказались.

А. Чуриев: – Алексей Владимирович спасибо за интересную беседу! Söhbetdeşlik